

УДК 34.343.9

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-66-72

ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИН, ОСУЖДЁННЫХ ЗА УБИЙСТВО НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА

Шиян В.И.*Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации**123995, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье приводятся результаты криминологического исследования личности женщин, осуждённых за убийство своего новорождённого ребёнка; определены основные мотивы преступного поведения. Особое внимание уделено характеристике патопсихологических признаков женщин-детоубийц. По убеждению автора, знание особенностей личности таких преступниц, умение выявить их специфические свойства относится к числу неперемных условий организации и осуществления эффективного предупреждения детоубийств. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что насильственное преступное поведение женщин нередко является полимотивированным, то есть порождается рядом мотивов.

Ключевые слова: личность преступника, женская насильственная преступность, детоубийство, структура личности преступника, мотивы преступного поведения, предупреждение преступности, криминологическая характеристика.

PERSONALITIES OF WOMEN CONVICTED OF MURDERING NEWBORNS

V. Shiyan*All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
25, bld. 1, Povarskaya street, Moscow, 123995, Russian Federation*

Abstract. The article presents the results of criminological study of the personalities of women convicted of killing their newborn children, with the main reasons for criminal behavior being identified. Special attention is given to pathopsychological features of female child-killers. According to the author the knowledge of the common traits of such offenders and the skills of their identification are indispensable in organizing and implementing effective crime prevention, including infanticide. The conducted research allows to conclude that women's criminal behavior is frequently caused by many factors, i.e. it can be considered multi-motivated.

Key words: criminal personality, female violent crime, infanticide, the structure of criminal personality, motives of criminal behavior, crime prevention, criminal profiling.

Среди лиц, совершивших насильственные преступления, особое место занимают **женщины-убийцы, осуждённые по ст. 106 УК РФ**, т. е. за убийство своего новорождённого ребёнка.

В научной литературе исследование личности таких детоубийц часто ограничивается социально-демографическими, уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными характеристиками. Однако такой, безусловно, важной информации для решения научных и практических задач явно недостаточно, поскольку в целях эффективной индивидуальной профилактики требуется и максимальный учёт нравственно-психологических и патопсихологических особенностей, мотивов насильственного преступного поведения.

Результаты проведённого исследования (изучено 122 уголовных дела в отношении женщин, осуждённых по ст. 106 УК РФ, а также данные о 47 лицах, обвиняемых органами предварительного расследования в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ и прошедших судебно-психиатрическую экспертизу в Московском областном Центре социальной и судебной психиатрии при ГБУЗ «Центральная Московская областная клиническая психиатрическая больница» (ГБУЗ МО «ЦКПБ») и в ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации) позволяют констатировать, что среди осуждённых за детоубийство 84 % – молодые женщины (16–25 лет), рожавшие впервые, для которых характерны разочарованность жизнью, отсутствие перспектив. Практически у всех была несчастная любовь или случайная связь, либо даже изнасилование, по разным причинам не повлёкшее правовой реакции.

65 % женщин-детоубийц не имели нормальных бытовых и материальных

условий: не имели своего жилья – 12%, постоянного источника дохода и никакой материальной помощи от близких людей – 28 %, проживали в больших семьях при недостаточных материальных условиях – 25 %. Остальные 15 % из числа молодых женщин вели разгульный образ жизни и не желали иметь детей, чтобы не ограничивать свою свободу; 3 % из них вообще не любят детей.

Например, К., 35 лет, окончила 9 классов, получила специальность «прядильщица». Работала только 6 месяцев. Замужем не была. Жила «где придётся», бродяжничала, злоупотребляла спиртными напитками, пила запоями по 2–3 дня, похмелялась. Последние три месяца жила с сожителем. Как следует из материалов уголовного дела, К. обвиняется в том, что самостоятельно родила жизнеспособного ребёнка мужского пола и задушила его.

Во время психологического исследования отмечают примитивность личности, олиготимия (эмоциональный дефицит). Содеянное объясняет так: «Боялась, что сожитель узнает о беременности и родах».

В заключениях судебных психолого-психиатрических экспертиз нередко можно встретить подобные характеристики и объяснения.

В связи с тем, что в большинстве случаев детоубийства совершаются незамужними женщинами, сам факт беременности может быть для некоторых из них неожиданным, странным, выводящим из привычной колеи. В период беременности, от которой по разным причинам нельзя избавиться, ребёнок воспринимается женщиной как нечто враждебное, которое может негативно изменить и ещё больше усложнить

её жизнь. У женщины накапливаются отрицательные эмоции, постоянно мучают вопросы о будущем, образуется крайне неблагоприятное отношение к плоду, который воспринимается как источник бед и несчастий. Поэтому, ещё не родив ребёнка, женщина уже полна решимости уничтожить его. Испытывая чувство, что с ней поступают несправедливо – не только несостоявшийся отец будущего ребёнка, но и судьба, люди, – женщина весь запас гнева и ненависти направляет против не рождённого ещё ребёнка.

Обращает на себя внимание тот факт, что осуждённые по ст. 106 УК РФ проживали не только в семьях с низким материальным достатком, но и в семьях, где отсутствовали доверительные отношения, царили эмоциональный голод, жёсткие методы воспитания. Многочисленные психологические исследования [4, с. 10; 5, с. 524–531; 6, с. 917–929] свидетельствуют, что подобные методы связаны с повышенным риском стать «агрессором» или жертвой. Действительно, давление родителей, их чрезмерная опека не позволяют самостоятельно планировать будущее, реально оценивать сложную ситуацию и находить приемлемый выход из неё. Состояние беременности вызывает у несовершеннолетних из таких семей чувство тревожности, переходящее в страх за своё социальное и даже биологическое существование. Не приученные к независимому принятию решений, они видят наипростейший выход из положения в убийстве ребёнка, которое и не замедляют осуществить.

В результате даже добрые и бесконфликтные дети могут совершить убийство. В этой связи приведём следую-

щий пример из следственно-судебной практики:

Л., 16 лет, осуждена по ст. 106 УК РФ, за убийство своего новорождённого ребёнка. Наследственность психопатологически не отягощена. Родилась в полной семье, единственный ребёнок, в развитии от сверстников не отставала. Успешно окончила 9 классов общеобразовательной школы. Обучалась на первом курсе колледжа по специальности «технолог пищевого производства». Характеризовалась положительно. Половая жизнь с 15 лет. Отношения с отцом ребёнка хорошие, тёплые, «он и сейчас предлагает выйти за него замуж».

Как следует из материалов уголовного дела, Л. в 2 часа, находясь в своей квартире, родила ребёнка и нанесла ножницами несколько ударов в область грудной клетки и шеи новорождённому, который от полученных телесных повреждений скончался на месте происшествия.

Согласно психологическому исследованию, в момент инкриминируемого ей деяния, Л. находилась в состоянии выраженной аффектогенной дезорганизации поведения, сознания, деятельности, существенно ограничившем её способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, возникшей в условиях реальной психотравмирующей ситуации. О чём свидетельствуют её психоэмоциональное состояние в тот период времени с переживаниями панического страха, испуга перед матерью, ощущением безвыходности сложившейся ситуации, сопровождавшиеся резкими изменениями психической деятельности, аффективным сужением созна-

ния, фрагментарностью восприятия, нарушением социального, интеллектуального, волевого контроля своих действий, появлением несвойственных ей ранее форм поведения, последующей частичной аффектогенной амнезией произошедших событий на фоне пережитого болевого синдрома, обильной кровопотери, развивающегося геморрагического шока. Возникновению аффектогенной дезорганизации поведения у Л. способствовали длительная психотравмирующая ситуация в семье, связанным со строгим, авторитарным стилем воспитания, необходимостью скрывать свою беременность страхом перед матерью, отсутствием возможности канализировать негативные переживания, индивидуально-психологические особенности личности Л. с выраженной психологической зависимостью от матери, мягкостью, бесконфликтностью, склонностью к накоплению отрицательных переживаний.

Как правило, убийство новорождённого ребёнка совершается женщиной единолично, групповой характер не свойственен для этой категории насилиственных преступных деяний.

Мотивы убийства матерью новорождённого ребёнка на разных этапах развития человеческого общества претерпевали лишь небольшие изменения. В конце XIX века Н.С. Таганцев, исследуя проблему детоубийств, указывал среди мотивов убийств новорождённых стыд, страх суда общественного мнения, боязнь за будущее ребёнка [3, с. 121]. В начале XX столетия М.Н. Гернет, изучая мотивы детоубийств в России, Германии, Франции, Австрии, Италии, Голландии, Дании, Бельгии, Испании и Сербии, пришёл к выводу, что основными мотивами

такого преступления являются страх позора, спасение чести, боязнь нужды. Автор обоснованно разделил все мотивы, действующие при убийстве матерью новорождённого ребёнка на две группы: эгоистические и альтруистические. В первую им отнесены: вызванный мучениями родов гнев против ребёнка, как причины боли; опасение, что обязанности по воспитанию ребёнка повлекут за собой беспокойства и повергнут в нужду; опасение стыда, в особенности при наличии строгих родителей; ненависть к отцу ребёнка, покинувшему беременную в беспомощном состоянии, перенесённая на ребёнка. Во вторую группу М.Н. Гернет включил случаи убийства новорождённого из боязни отдать его чужим людям, из желания избавить его от нищеты и из желания избавить от позора родителей [1, с. 167, с. 169–170]. В различных интерпретациях эти толкования мотивов детоубийств прочно вошли в научную литературу и правоприменительную деятельность.

По данным современных исследователей, к мотивам убийства новорождённых детей относятся: боязнь общественного осуждения, стыд за рождение ребёнка вне брака (особенно для жительниц сельской местности), страх перед родителями и т.д. [2, с. 76].

Большинство женщин, совершивших детоубийство, не могут определить назвать мотивы своего преступления. Вместе с тем, в результате исследований у 70 % женщин, осуждённых за убийство детей, выявлены такие личностные особенности, как жестокость, инфантилизм, равнодушное, безразличное отношение к детям, эмоциональная и интеллектуальная ограниченность, прямая или косвен-

ная корыстная заинтересованность в гибели ребёнка. Например, женщины, имеющие уже по 2–4 ребёнка (16 % детоубийц), убивали своего следующего новорождённого ребёнка, поскольку он «просто не вписывался в бюджет семьи». Эта категория женщин отмечает, что преступление совершили сознательно, задумав его заранее, при этом очень сожалеет о случившемся. Преобладающий довод: «Что мне оставалось делать?».

В основе поведения женщин-детоубийц часто, наряду с доминирующим мотивом, определяющим основной смысл деятельности виновной, присутствует защитный мотив, оправдывающий её действия: материальные трудности, боязнь потерять работу, физические или психические недостатки новорождённого и др. Оправдывая своё преступное деяние, виновная поясняет, что действовала во благо семьи, других своих детей либо иных близких людей. Учитывая достаточно юный возраст преступниц, осуждённых по ст. 106 УК РФ, в материалах уголовного дела неоднократно встречаем и такое объяснение: «Не хотела расстраивать родителей». Таким образом, у значительного большинства преступниц критическая оценка своего противоправного деяния снижена.

По мнению психиатров, наибольшую социальную опасность среди детоубийц представляют больные шизофренией, причём чаще с непрерывной и приступообразно-прогредиентной с преобладанием аффективных расстройств и параноидной симптоматики. Более всего распространены аффективно-бредовый синдром и его депрессивно-параноидальный вариант.

Самую значительную опасность больные представляют в периоды изменения состояния, характеризующегося появлением тревоги, растерянности и страхов, при усложнении синдрома или непосредственно перед развитием острого состояния. Экзогенные факторы (психогенные реакции, роды, алкоголизм и др.), предшествующие совершению преступных действий, усиливают социальную опасность женщин, больных шизофренией.

Убийства детей женщинами, больными шизофренией, совершаются чаще всего по бредовым мотивам, но встречаются импульсивные убийства под влиянием императивных слуховых галлюцинаций, убийства по так называемым «психологическим мотивам». Последние у таких больных только по внешним признакам имеют сходство с аналогичными мотивами, свойственными психически здоровым женщинам. У больных шизофренией объективно существующие реально-бытовые факторы преломляются через призму болезненно изменённой психики. Поэтому их действия, несмотря на связь с внешними факторами, отличаются особой жестокостью, непоследовательностью и отсутствием последующей реакции на содеянное.

Предупреждение общественно опасных действий женщин, больных шизофренией, требует осуществления целого ряда комплекса лечебных и социальных мероприятий, направленных на своевременное распознавание шизофрении, систематическое наблюдение диспансерами за такими лицами с выявлением обострений заболевания и акцентом внимания на течение послеродового периода.

В процессе исследования было обращено внимание на то, что насильственное преступное поведение женщин нередко является полимотивированным, то есть порождается рядом мотивов. В их иерархии может быть один или несколько ведущих, составляющих в определённом смысле сущность личности насильственной преступницы и в целом определяющих её поведение. Ведущие мотивы могут действовать параллельно с другими, со временем они способны меняться с ними местами. Возможно появление и активное функционирование новых мотивов.

Учитывая изложенное, обобщённый криминологический портрет женщины-убийцы новорождённого ребёнка можно представить следующим образом: возраст от 16 лет до 25 лет; воспитывалась в семье, где отсутствовали доверительные отношения, царили эмоциональный голод и жёсткие методы воспитания; в юридически оформленном браке не состоит; ранее не судима; не работает; не имеет нормального, по санитарным нормам, жилья; материальный достаток ниже прожиточного минимума; находится в жёсткой зависимости от ситуации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гернет М.Н. Детоубийство: сравнительно-юридическое исследование. М.: Типография Московского ун-та, 1911. 318 с.
2. Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 179 с.
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1–2. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
4. Copeland W. Childhood bullying involvement predicts low-grade systemic inflammation into adulthood / Copeland W., Wolke D., Lereya S., Shanahan L., Worthman C., Costello E. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. 10 p.
5. Lereya S.T. Adult mental health consequences of peer bullying and maltreatment in childhood: two cohorts in two countries / Lereya S.T., Copeland W.E., Costello E.J., Wolke D. // *The Lancet Psychiatry*. 2015. Т. 2. № 6. Pp. 524–531.
6. Wolke D., Tippet N., Dantchev S. Bullying in the family: sibling bullying // *The Lancet Psychiatry*. 2015. Т. 2. № 10. Pp. 917–929.

REFERENCES:

1. Gernet M.N. *Detoubiistvo: sravnitel'no-yuridicheskoe issledovanie* [Infanticide: Comparative Legal Research]. M., Printing House of Moscow University, 1911. 318 p.
2. Lukichev O.V. *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika detoubiistva: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Legal and Forensic Science Characteristics of Infanticide: PhD. Thesis in Law]. SPb., 1997. 179 p.
3. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. T. 1-2* [Russian Criminal Law. Lectures. Vol. 1-2]. Tula, Avtograf, 2001. 800 p.
4. Copeland W. Childhood bullying involvement predicts low-grade systemic inflammation into adulthood / Copeland W., Wolke D., Lereya S., Shanahan L., Worthman C., Costello E. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. 10 p.
5. Lereya S.T. Adult mental health consequences of peer bullying and maltreatment in childhood: two cohorts in two countries / Lereya S.T., Copeland W.E., Costello E.J., Wolke D. // *The Lancet Psychiatry*. 2015. Т. 2. № 6. Pp. 524–531.
6. Wolke D., Tippet N., Dantchev S. Bullying in the family: sibling bullying // *The Lancet Psychiatry*. 2015. Т. 2. № 10. Pp. 917–929.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шиян Валентина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации;
e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina Ivanovna Shiyan – PhD. in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Whole-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Шиян В.И. Личность женщин, осуждённых за убийство новорождённого ребёнка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 66–72
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-66-72

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Shiyan V. Personalities of Women Convicted of Murdering Newborns // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. № 3. P. 66–72.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-66-72